

действия) противопоставлений глагола при неразличении темпоральных, д) отсутствие имен прилагательных и т. д. ⁶.

На фоне перечисленных черт видно, что далеко идущий структурный параллелизм обнаруживает и значительно более широкую совокупность явлений, повторяющихся в обеих сопоставляемых здесь величинах. Он, в частности, выступает во взаимной недифференцированности прямого и косвенного дополнений ⁷. И в той и в другой системе отсутствует связочный глагол. Признанный еще старой индоевропеистикой факт неразвитости в предполагаемом праязыковом состоянии имени прилагательного также находит свою ближайшую аналогию в структуре активных языков, где оно, как правило, неизвестно. Сюда же должна быть отнесена невыработанность в обоих случаях сквозной системы спряжения, функционирование в морфологической структуре глагола не категории времени, а способа действия. Далее можно упомянуть неразличение форм числа именами среднего рода в протоиндоевропейском и именами инактивного класса в представителях активного строя (ср. установленную И. М. Тронским связь между противопоставлением активного и инактивного в именной классификации и отношением раздельной множественности и собирательности ⁸). Хотя список структурных совпадений без труда мог бы быть продолжен, по-видимому, и приведенного материала достаточно для того, чтобы сделать три следующих вывода.

Во-первых, реальное функционирование языков активного строя верифицирует типологическую совместимость всех перечисленных черт древнейшего протоиндоевропейского состояния. Ввиду того, что их основные структурные характеристики имплицитуются определенной семантической детерминантой языка, существование этих языков представляется веским аргументом и в пользу синхронизации этих черт в рамках единого состояния. При этом уместно отметить, что сходный набор признаков (в частности, «раздельная флексия имени и глагола, два прямых падежа, общий и средний род, инфект и перфект») соотносится по схеме Н. Д. Андреева с младшим среднеиндоевропейским периодом ⁹.

Во-вторых, отмеченные параллели позволяют квалифицировать предполагаемое протоиндоевропейское состояние скорее как активное, чем эргативное: ср. неоднократно высказывавшееся мнение о том, что, поскольку категории переходности ~ непереходности в этом состоянии протоиндоевропейского еще не существовало, говорить здесь об эргативной конструкции в классическом смысле слова не приходится (эргативная типология языка формируется, по-видимому, уже на преодолении семантической детерминанты активного строя). Нельзя исключить лишь, что в каком-то его ареале последовавшая номинативизация языковой структуры могла быть опосредствована фазой эргативности, хотя одноличный принцип спряжения древнего индоевропейского глагола может служить некоторым аргументом против подобного допущения.

В-третьих, сопоставление характеристик предполагаемого протоиндоевропейского состояния со схемой активного строя, по-видимому, способно обогатить перспективы дальнейшего рассмотрения некоторых актуальных проблем индоевропеистики. Это возможно, с одной стороны, за счет более адекватной структурной квалификации ряда уже постулированных для этого состояния явлений, а с другой, — за счет поиска в нем других импликаций, а также фреквенталий активной типологии.

⁶ См. подробнее: Климов Г. А. К характеристике языков активного строя. — «Вопр. языкознания», 1972, № 4.

⁷ Ср. Десницкая А. В. Из истории развития категории глагольной переходности. — В сб.: Памяти академика Л. В. Щербы. Л., 1951, стр. 143.

⁸ См. Тронский И. М. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках. — Уч. зап. ЛГУ, Сер. филол. наук, 1946, вып. 10, стр. 61.

⁹ См. Андреев Н. Д. Периодизация индоевропейского праязыка. — «Вопр. языкознания», 1957, № 2, стр. 18.